
ТРИ ЭТАПА ЭВОЛЮЦИИ ТРАНЗИТОЛОГИИ: НА ПУТИ К ЧЕТВЕРТОМУ?

И.Р. Хинтба

Кафедра политических наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье дается периодизация развития транзитологического знания (выделено три этапа), показана внутренняя динамика теории транзита, эволюция методологии и аналитических моделей исследования переходных процессов. Автор рассуждает о путях выхода из сложного состояния, в котором пребывает современная транзитология, делает предположения о содержании нового, четвертого этапа развития этой науки.

Транзитология как научная дисциплина и исследовательское направление, занимающееся изучением политических изменений, вот уже на протяжении почти 40 лет привлекает к себе интерес в научных сообществах. С конца 1960-х гг., времени появления первых транзитологических опытов, поток научных исследований в этой области лавинообразно возрастал, достигнув «критической массы» к началу 1990-х гг.

Практически синхронное крушение европейской системы социализма и распад СССР рассматривался многими как триумф идеи «демократического мира». Тогда казалось, что политическая транзитология, завершив свою научную и идеологическую миссию, должна сойти с научной арены. На самом деле изменяющаяся политическая действительность поставила перед молодой наукой новые задачи.

Итоги «третьей волны демократизации», выразившиеся на постсоветском политическом пространстве в фактической реставрации некоторых элементов *ancien régime*, что шло вразрез с прогностическими моделями теории транзита, нанесли мощный удар по укреплявшемуся все предыдущее время фундаменту политической транзитологии. Все чаще стали раздаваться голоса о теоретической несостоятельности этого исследовательского направления, об ангажированности и идеологизированности его аналитических схем, о «ретроспективности» транзитологии — ее склонности описывать процессы *a posteriori* и неспособности давать практические рекомендации для эффективного управления и оптимизации текущих демократических трансформаций; о том, что транзитология должна быть изжита как рудимент обанкротившейся теории модернизации. В то же время бескомпромиссная критика транзитологии зачастую основывалась на поверхностном знании ее объяснительных схем и аналитических моделей или же ввиду субъективного неприятия ее исходных посылок.

Для того чтобы проверить обоснованность утверждений о кризисе транзитологии и наметить перспективы конструирования ее обновленного варианта, необходимо проследить эволюцию транзитологического знания, показать внутреннюю динамику теории переходов в преодолении ставших неэффективными

гипотез и саморазвитии объяснительных моделей и попытаться наметить потенциальные направления новых исследований в этой области. Представляется, что научный потенциал политической транзитологии отнюдь не исчерпан, и как важный аналитический инструмент компаративистики теория транзита не должна быть отброшена.

На наш взгляд, в развитии политической транзитологии можно выделить три основных этапа. Основаниями для такой периодизации служат, во-первых, трансформация базовых методологических принципов исследования политических изменений; во-вторых, наступление новых исторических реалий, расширявших и значительным образом изменявших эмпирическую базу исследований транзита; и, в-третьих, логика внутренне противоречивого, диалектического развития транзитологического знания.

Первый этап (конец 1960-х гг. — 1989—1991 гг.)

Первые подступы к оформлению транзитологической проблематики можно датировать концом 1960-гг., когда, в частности, вышли исследования С. Хантингтона (См.: [29]) и Б. Мура (См.: [33]), посвященные анализу преобразований обществ. Начало современной транзитологии можно условно связать с публикацией в 1970 г. статьи Д. Растоу «Переходы к демократии: попытка динамической модели» (см.: [38]). Эта работа обозначила завершение периода вызревания транзитологии в чреве господствовавшей с конца 1950-х гг. знаменитой теории модернизации.

Расцвет девелопменталистских идей приходится на исторический период распада колониальных империй и образования так называемого «третьего мира» — группы политически и экономически отсталых стран — бывших колоний. Теория модернизации, несомненно, явилась научным (и политическим) ответом Запада на вызовы новой мировой периферии. Эти страны считались неразвитыми, или немодернизированными, причем под модернизацией понималось следование западному пути в развитии как материального, так и относящегося к сфере сознания (наука, философское мировоззрение, культура, политика).

Сотканной из идей Просвещения теории модернизации были свойственны следующие черты: 1) идея развития (девелопментализм), согласно которой с помощью изменений в экономической системе и общественной структуре возможно достижение более высокого социального, политического и культурного развития. Из этого вытекает типично просвещенческая вера в прогресс, в телеологический и детерминистский характер изменений; 2) представление о линейном развитии социальных систем. Это предполагало примат стадийного характера изменений; 3) понимание модернизации как рационализации (в том числе секуляризации) в веберовском смысле. Причем рационально только то, что отвечает потребности «движения вперед»; 4) акцент на роли формальных институтов как «агентов» модернизации, ее движущих сил, и связанное с этим принижение культурно-нормативной составляющей развития; 5) попытка выявить детерминанты развития (модернизации), знание которых должно обеспечить управляемость и прогнозируемость изменений; 6) высокая абстрактность теоретических построений, которым

придается универсальный характер. Вера в то, что они могут объяснить процессы в любой точке земного шара, вне зависимости от культурных и цивилизационных особенностей.

Классической иллюстрацией модернизационной теории может служить известная концепция Сеймура М. Липсета о ковариационной зависимости между экономическим ростом и демократическим развитием, оказавшей колоссальное влияние на становление транзитологии. Согласно «гипотезе Липсета» (1959), «экономическое развитие страны, высокий среднегодовой уровень совокупного общественного продукта (ВВП) на душу населения неразрывно связаны с политической демократизацией страны» [10. С. 5]. Данное предположение выдержало серьезную эмпирическую проверку и, на основе полученных подтверждений, приобрело аксиоматическое звучание.

Еще одной концепцией, выдержанной в модернистско-гегельянском ключе, правда, появившейся значительно позже, была модель «конца истории» Ф. Фукуямы — идеалистическое представление о линейном и необратимом распространении либеральной идеологии, которая вытеснит все альтернативные проекты (фашизм, коммунизм, национализм, религию), устранит противоречия и, соответственно, положит «конец истории» (См.: [20]).

Господство теории модернизации стало ощутимо оспариваться к концу 1960-х гг. В основном, критика была направлена против телеологичности и «этноцентризма» (вестернизма) девелопменталистских концепций. Так, ставилось под сомнение наличие лишь одной, западной, современности, которая должна служить ориентиром развития для всех обществ. Об этом свидетельствовали и реалии мирового развития. Западные теоретики не могли закрыть глаза на процессы индустриализации и рационализации незападных обществ — прежде всего советского. Все настойчивее звучали мнения о современном характере советского общества, о его «восточной» современности (плановая экономика вместо рыночной, однопартийность вместо многопартийности), которая обладает теми же ключевыми показателями, что и «западный вариант»: стабильность и легитимность власти (хотя это и спорная легитимность), секуляризация и рационализация общества, его высокий мобилизационный потенциал, массовое образование, урбанизация и т.д. Через двадцать лет Ш. Эйзенштадт охарактеризует это как проблему «множественных современностей» (1) (См.: [7]).

Как утверждалось выше, именно в этот период и произошла кристаллизация политической транзитологии, которая складывалась в русле теории модернизации и, когда для последней настали нелегкие времена, фактически пришла ей на замену.

Появление большинства работ этого периода было вызвано осознанием необходимости концептуализации целой волны переходов к демократии в Южной Европе в 1970-гг. (Португалия, Испания, Греция) и Латинской Америке в 1980-х гг. (Аргентина, Бразилия, Чили, Уругвай). Мощное влияние теории С.М. Липсета на зарождавшуюся транзитологию обусловило на первом этапе преобладание структурного подхода к осмыслению предпосылок и движущих сил демократического транзита. Важное событие этого периода — выход четырехтомного труда

под редакцией Г. О’Доннелла, Ф. Шмиттера и Л. Уайтхеда «Переходы от авторитаризма» (1986) (См.: [40]). В первом томе этого исследования — «Предварительные заключения о нестабильных демократиях» — был в общей форме сконструирован категориальный аппарат современной транзитологии. Совсем не удивительно, что в этих построениях явственно проглядывала «воскресшая» теория модернизации.

Классическая теория перехода предполагает, что «транзит», который определялся О’Доннеллом и Ф. Шмиттером как «промежуток (интервал) между одним политическим режимом и другим» [35. Р. 6], распадается на три основных стадии: либерализацию, демократизацию и консолидацию. Либерализация означает эрозию несущих конструкций (политико-идеологических, в первую очередь) авторитарного режима. Часто она осуществляется в условиях кризиса легитимности власти, вызванного экономическими проблемами. Демократизация же является стадией, следующей за либерализацией, причем последняя готовит для нее основу. Основным отличием либерализации от демократизации заключается в том, что либерализация подразумевает сокращение репрессий и расширение свобод в рамках существующего авторитарного режима, в то время как демократизация предполагает смену режимов. Однако даже наступление стадии демократизации, когда происходит институционализация демократического режима, не гарантирует создание прочных основ стабильной демократии.

Критическое значение в этом смысле приобретает теоретически финальная стадия — консолидация демократии. Она может быть определена как сложный и многоплановый процесс укрепления институтов демократии, развития и укоренения демократических ценностей, поведенческих норм и установок в сознании индивидов и социальных групп, знаменующий завершение транзита и утверждение стабильной демократической политической системы. Причем консолидация распадается на два этапа: негативную консолидацию, т.е. сдерживание, снижение, если не устранение, любых серьезных вызовов демократии, и позитивную консолидацию — внедрение и закрепление демократических ценностей и установок в сознании и поведении масс и элит [37. Р. 20].

Таким образом, жесткая фиксация стадийального характера переходных процессов — одна из особенностей первого этапа эволюции транзитологического знания.

Второй этап (конец 1980-х — вторая половина 1990-х гг.)

Второй этап эволюции теории переходов связан с осмыслением крушения коммунистических режимов в СССР и странах ЦВЕ сквозь призму транзитологической парадигмы. Демократические транзиты в странах Центральной и Восточной Европы явились центральным компонентом «третьей волны демократизации» (по С. Хантингтону). Стремительность разрушения авторитарных структур, практическая синхронность демократических транзитов в этих странах вызвали широкий научный интерес и дискуссии. Именно тогда встававшая на ноги политическая транзитология была поставлена перед дилеммой: либо идти по пути импликации теоретических моделей, сконструированных на основе опыта

ожноевропейских и латиноамериканских переходов, к анализу транзитов в странах «реального социализма» и СССР (См.: [39]), либо сравнивать посткоммунистические страны между собой, конструируя соответствующий *ad hoc* методологический инструментарий (См.: [22]). Именно эта дилемма вызвала известную дискуссию на страницах ежеквартального альманаха *Slavic Review* в середине 1990-х гг., в результате которой возобладала позиция сторонников универсализации теоретических моделей. Это выразилось в появлении серьезных коллективных монографий, в которых с использованием единой концептуальной схемы исследовались причины, основные факторы и особенности демократических транзитов как в Латинской Америке и Южной Европе, так и в странах коммунистического мира (2).

В целом второй этап отметился выходом классических работ по теории и практике демократических транзитов — «Третья волна» (1991) С. Хантингтона (См.: [21]) и «Демократия и рынок» (1992) А. Пшеворского (См.: [16]), «Проблемы демократического транзита и консолидации» (1996) Х. Линца и А. Степана (См.: [30]), «Динамика демократизации» (2000) Д. Придхэма (См.: [37]) и других исследований. Появление фундаментальной монографии Л. Даймонда «Развитие демократии: на пути к консолидации» (1999) явилось свидетельством возрастания интереса к изучению консолидации демократии (См.: [27]).

Попытаемся перечислить основные изменения в методологии изучения транзитов на данном этапе.

Во-первых, произошло ощутимое смещение акцента с исследования структурных факторов и предпосылок транзита на анализ роли элит (процедурных факторов) и последствий перехода. Дело в том, что не удалось доказать прямой казуальной связи между экономическим развитием и инициацией транзита. Экономическая концепция указывала лишь на долгосрочные тенденции укрепления уже институционализированной демократии. Кроме того, считалось «политически ошибочным» ставить саму возможность транзита в зависимость от наличия таких труднодостижимых и не поддающихся быстрому сознательному изменению структурных факторов, как политическая культура, так как это на длительное время откладывало реализацию идеи «демократического мира». Поэтому «новый подход, — как писал Т. Карозерс, — был встречен с благодарственным оптимизмом в ученом и политическом сообществах, высвобождая разлетевшуюся сквозь границы ободряющую идею о том, что демократия — это то, что «под силу каждому» [23. Р. 8].

С точки зрения сторонников процедурного подхода, основным в процессе перехода является определенная констелляция элит, а именно выделение в правящей элите демократического крыла реформаторов, которому, соответственно, противостоят консерваторы. В гражданском обществе же выделяются сторонники радикальных реформ и умеренных преобразований (радикалы и умеренные). Начало перехода к демократии возможно только посредством взаимопонимания между реформаторами и умеренными. По мнению А. Пшеворского, это возможно, если, во-первых, реформаторы и умеренные достигают соглашения об институтах, при которых представляемые ими социальные силы имели бы заметное полити-

ческое влияние в демократической системе; во-вторых, реформаторы в состоянии добиться согласия сторонников твердой линии или нейтрализовать их; и в-третьих, умеренные способны контролировать радикалов [16. С. 109—110].

Часто процессы институционализации оговариваются посредством пакта, заключаемого между старой элитой, поднимающейся демократической в правящем крыле, а также структур гражданского общества. В том числе на этой основе разрабатывались различные модели переходов. Особую известность приобрела их типология, предложенная Т. Карл и Ф. Шмиттером. Учитывая факторы стратегии элит, с одной стороны, и соотношения сил между правящими группами и их противниками — с другой, Карл и Шмиттер разбили транзиты на четыре категории: 1) пактовые, 2) навязанные, 3) революционные, 4) реформистские [9. С. 13].

Во-вторых, все больший вес в качестве методологии транзитологических исследований начинает приобретать концепция неoinституционализма.

Теория неoinституционализма возникла в 1970-е гг. из синтеза формально-легального и социологического подходов к понятию «политический институт». Его представители «ориентированы прежде всего на институциональные макро-структуры, пытаясь через эволюцию политических институтов, их регулирующих правил и норм вскрыть глубинные механизмы политической динамики» [4. С. 103]. Неoinституционалисты внесли большой вклад в осмысление внутренней структуры и организационной иерархии политических институтов и их эффектов, «побудительных мотивов человеческого взаимодействия» [15. С. 17] — влияние институтов на «бытующие в обществе ценности, такие как справедливость, коллективная идентичность, принадлежность к сообществу, доверие и солидарность» [17. С. 154], а также то, как институты «определяют существующие на данный момент рамки человеческого выбора» [15. С. 18]. Неoinституционализм оказался комплементарен популярному на данном этапе процедурному подходу к процессу транзита, так как теоретики этого направления полагали, что «...политические институты представляют собой соглашения *ex ante* по поводу сотрудничества между политиками» [15. С. 72].

Таким образом, неoinституционализм (часто сочетаясь с теорией рационального выбора) приобрел статус одной из важнейших методологических основ исследований переходов. Акцент на анализе формальных институтов вызвал лавину публикаций, посвященных анализу эффектов институционального дизайна, дихотомии президентализм-парламентаризм в условиях переходной политической системы, изучению влияния неформальной институционализации на ход транзита, поиск оптимальной конфигурации электоральной и партийной систем.

В-третьих, в особое исследовательское направление в рамках транзитологии выделилось изучение проблем и противоречий «двойных транзитов» («*dual transitions*») — одновременного перехода к политической демократии и рыночной (капиталистической) экономической системе. Появление этой проблематики связано со спецификой трансформационных процессов в посткоммунистических обществах. Основные проблемы, которые вытекали из логики «двойного движения» к демократии, обычно связывались с социальным разочарованием от экономической либерализации, подрывающим легитимность вновь создаваемой демократии. Так,

«шоковая терапия» или другие способы быстрого перехода к рыночной экономике, будучи сопряженными с отказом государства от многих социальных обязательств, обесцениванием сбережений граждан, массивной и не всегда прозрачной приватизацией, на первых порах приводили к резкому снижению уровня жизни населения. Кроме того, ослабление «экономических вожжей» в условиях неустановленных правил игры приводило к монополизации капитала и олигархизации политики. В то же время жизнеспособная демократия и полноценное гражданское общество невозможны без развитых экономических (рыночных) основ.

Поэтому, с одной стороны, переход должен быть успешнее, когда экономическая либерализация предшествует политической. Иллюстрацией к этому тезису могут послужить пример Венгрии, где к моменту политической трансформации существовал некоторый капиталистический опыт (например, ранняя приватизация). Подобным образом авторитаризм развития, господствовавший, например, в Чили, позволил добиться значительных успехов в построении демократии этой стране после свержения режима Пиночета. С другой стороны, значительное внимание в научных кругах привлекла к себе теория нобелевского лауреата А. Сена, согласно которой расширение гражданских прав и политических свобод — не следствие, а необходимая предпосылка, условие капиталистического развития и повышения качества жизни. Так, именно расширение сферы свободы определяет возрастание жизненных, в том числе экономических, шансов индивида. Кроме того, «политические и гражданские права обеспечивают население возможностью привлечь внимание к своим нуждам и потребовать от правительства соответствующих действий» (в частности, избежать голода) [19. С. 174]. Таким образом, взаимосвязь процессов экономической либерализации и политической демократизации далеко не однозначна. Вообще конвенциональная интерпретация проблемы соотношения гражданских прав и экономического обеспечения, составляющая, по Р. Дарендорфу, современный социальный конфликт (См.: [3]), до сих пор остается одной из главных задач общественных наук.

Третий, современный, этап (конец 1990-х — настоящее время)

В целом, содержанием третьего периода развития транзитологии был анализ неоднозначных и затянувшихся транзитов в некоторых странах Центральной и Восточной Европы (Румыния, Болгария, Хорватия, Македония, Албания), а также в России и других постсоветских политиях, и образовавшихся в результате резкого снижения динамики переходов определенных форм промежуточных полуавторитарных режимов (См.: [33]).

Прокатившиеся по Сербии, а затем Грузии, Украине и Кыргызстану, «цветные революции» были не совсем адекватно восприняты некоторыми исследователями в качестве нового импульса к демократическим преобразованиям, способного сдвинуть с мертвой точки застывший процесс транзита. Эта своего рода «вторая попытка» демократизации и консолидации была концептуализирована М. Макфолом в теории «трансформации посткоммунизма» (См.: [11]), т.е., если так можно выразиться, «перехода от перехода к демократии». Все это определило возрас-

тание научного интереса к проблемам консолидации демократии, теории и практике достижения устойчивых и полноценных демократических режимов.

Осознание того, что реальное политическое развитие, особенно в странах постсоветского пространства, не укладывается в элегантные транзитологические схемы, обусловило рост скептицизма по отношению к транзитологии как науке. Наибольшей известностью в этой связи пользуется опубликованная в 2002 г. статья Т. Карозерса под громким названием «Конец парадигмы транзита». В ней были подвергнуты критике концептуальные моменты политической транзитологии, в частности ее жесткая телеология, конструирование реальности под свои теоретические модели и невозможность объяснить в рамках категории «переходная страна» существование огромного количества систем, составляющих «серую зону» демократии. В итоге американским политологом был сформулирован призыв к отказу от данного исследовательского направления в целом (См.: [23]). Идеи Карозерса, на которые были даны серьезные и обоснованные возражения на страницах журнала «Journal of Democracy» (См.: [26]), были с энтузиазмом подхвачены и развиты частью российского научного сообщества. Теория перехода к демократии была отождествлена ими с марксистской пятичленкой и охарактеризована в рамках детерминистского подхода. При этом транзитология, по мнению некоторых участников дискуссии, пренебрегает частными, партикулярными особенностями политических процессов в пользу универсальных принципов (См.: [14]).

Каковы же реальные проблемы, с которыми столкнулась политическая транзитология в начале XXI века?

Во-первых, политическое развитие последних пятнадцати лет выявило утопичность наивно-идеалистических представлений Ф. Фукуямы о «конце истории» и несбыточность, по крайней мере, в ближайшем будущем, проектов «космополитической демократии» Д. Хелда, в основе которых лежит мысль о следующем за ликвидацией мировой системы социализма глобальном распространении либеральной демократии, ведущем к сглаживанию идеологических и цивилизационных антагонизмов. Мир все больше усложняется и диверсифицируется, а место коммунистической альтернативы занимают новые, не менее опасные соперники демократии.

Во-вторых, провозглашаемый многими теоретиками общий кризис картины мира, сформированной Проектом Просвещения, поставил под сомнение релевантность транзитологического знания, его полезность и эвристичность. Американский политический философ Дж. Грей пишет по этому поводу: «Так как англо-американская политическая философия в значительной мере продолжает воодушевляться идеями просвещения и, прежде всего, надеждой на то, что люди утратят свои традиционные привязанности и свою самобытность и «солютятся» в единую цивилизацию, основанную на общечеловеческих ценностях и рациональной морали, она не может даже подступиться к пониманию политических дилемм нашего времени, когда в политике возобладали возрожденный партикуляризм, воинствующий конфессионализм и вновь ожившие этнические мотивы» [1. С. 14].

Все это, по мнению Грея, говорит о том, что теория транзита как обновленная версия «почившей» в конце 1960-х гг. теории модернизации, не в состоянии объяснить нерациональный мир.

В-третьих, пессимистические прогнозы Л. Даймонда о качестве существующих и вновь образованных демократий, высказанные им в 1997 г., похоже, оправдываются (См.: [2]). Все эти десять лет процесс формализации, сущностного выхолащивания демократий не только не остановился, но приобрел новые формы. Картина политических режимов мира ежегодно пополняется новыми партиями электоральных демократий — систем, демократическая сущность которых ограничивается лишь избирательным механизмом и декоративным плюрализмом.

В-четвертых, под серьезное сомнение была поставлена жесткая стадийность переходных процессов. Оказалось, что почти все постсоветские системы не прошли положенных этапов, а двинулись по альтернативным маршрутам. В основном, они испытали срыв демократической консолидации, в результате чего установились разного рода авторитарные режимы. Наиболее очевиден он в тех странах, где отсутствовали необходимые структурные условия и предпосылки демократии. Кроме контекстуальных факторов, большую роль в посттранзитном «термидоре» сыграли стратегии и конфигурации политических элит. В некоторых странах срыв консолидации привел к формированию полуавторитарных, либо псевдодемократических режимов, внешне кажущихся застывшими переходными режимами (Россия, Грузия, Азербайджан). В других — к складыванию классических авторитарных режимов (Таджикистан, Беларусь, Казахстан), зачастую с тоталитарной тенденцией (Узбекистан, Туркменистан).

В-пятых, произошел крах концепции «затянувшихся транзитов», предполагающей, что в результате длительных противоречий между авторитарной элитой и оппозицией, «войны на истощение», у страны больше шансов прийти к стабильному демократическому режиму (См.: [24; 28]). С помощью этой теоретической конструкции транзитологи пытались объяснить то, что некоторые страны, вместо поступательного движения к демократии по предписанному теорией маршруту, демонстрировали регрессивные тенденции либо закрепляли недемократический статус-кво. Тем не менее, эти страны описывались в категориях переходных систем. На самом деле это «переходные страны, где нет перехода» [34. Р. 56]. В них сформировались гибридные политические режимы самостоятельного свойства, которые нельзя рассматривать как незавершенные демократии. Это полноценные, стабильные и имеющие тенденцию к укреплению полуавторитарные режимы (См.: [36]), где ограничена демократическая передачи власти от одной политической силы к другой, происходит постоянное игнорирование формальных правил, которые чаще всего служат ширмой, скрывающей реальные недемократические практики [12. С. 70]; ограничена деятельность гражданского общества, в экономике господствует госкапитализм и т.д.

В-шестых, это вызвало возвращение отброшенной на втором этапе теории условий (структурных) демократии. Стало очевидным, что «верхушечная демократизация», или «навязанный транзит» (соглашение на уровне элит), не подкре-

пленная соответствующими контекстуальными условиями, чаще всего обречена на провал. Очень часто бывшие авторитарные лидеры сумели в условиях формальной демократии вновь обрести свою додемократическую власть. Причем для этой цели использовались формальные институты демократии, которые наполнялись совершенно противоположным содержанием.

В этой связи была пересмотрена корреляция между экономическим развитием и демократией. Важность экономического роста как мощного фактора демократического развития теперь анализировалась, в основном, в плане консолидации демократии. Что же касается процесса транзита, то, как отмечали в своей статье Б. де Мескита и Г. Даунс, «связь между экономическим развитием и тем, что обычно называется либеральной демократией, на самом деле достаточно слаба и может стать еще слабее» [32. Р. 77]. Более того, «экономический рост, вместо того, чтобы стать движущей силой демократических изменений в тиранических государствах, иногда может быть использован для укрепления авторитарности» [32. Р. 78] ввиду растущей изоциренности авторитарных лидеров и политической апатии относительно сытого общества. Значительный интерес в этой связи начала привлекать концепция «авторитаризма развития».

Все перечисленное обусловило рост исследовательского интереса к проблемам консолидации демократии как решающей, критически важной стадии перехода к демократии, успешная реализация которой и позволяет констатировать достижение эффективной и стабильной демократии и капиталистической экономической системы. Фактически, теория консолидации демократии — «консолидология» («consolidology»), при всей сомнительности этого термина, выделилась в отдельное направление исследований политических изменений.

«Конец транзитологии» или начало нового этапа развития?

Неоднозначная картина политических режимов, сложившаяся в посткоммунистическом ареале, вызвала значительное переосмысление парадигмы транзита. Современная транзитология отказывается от четкой привязки политических процессов к линейной модели (См.: [31]). При этом такой сдвиг не должен рассматриваться как отвергающий весь предыдущий опыт исследований транзита. Еще в своей классической работе «Переходы от авторитарного правления» Г. О’Доннелл и Ф. Шмиттер писали, что транзит ограничивается распадом авторитарного режима, с одной стороны, и установлением определенной формы демократии, возвратом к авторитарному правлению либо возникновением революционной альтернативы — с другой» [35. Р. 6]. Это доказывает, что теория транзита изначально допускала представление о многовекторном развитии переходных процессов.

Важно заметить, что безусловное родство с теорией модернизации не должно рассматриваться в качестве свидетельства совершенной непригодности теории транзита как объяснительного принципа современной политической действительности. Так, теория модернизации, при условии осуществления некоторых нормативных корректировок (3), может вернуть утраченные позиции. Разве процессы индустриализации, протекающие в дивергентных культурных и институциональ-

ных условиях, не демонстрируют схожие проявления — урбанизацию, рационализацию, усиление социальной мобильности и дифференциации, включение масс в политику? В свою очередь, эти изменения, накладываясь на конкретную культурно-цивилизационную матрицу, вызывают последующие микро- и макросоциальные трансформации, поддающиеся типологизации и сравнению. Поэтому, как справедливо отмечает Р. Инглегарт, «в концепции, утверждающей, что социальные преобразования развиваются в направлениях, логически связанных друг с другом и в целом поддающихся прогнозу, нет ничего этноцентристского» и телеологического [5. С. 274]. Сравнительный поиск общего и различного в моделях социальных изменений обладает несомненной эвристичностью и полезностью.

Поэтому следует согласиться с А.Ю. Мельвилем, что «фиаско иллюзий транзитологической телеологии отнюдь не означает разрушения самой предметной области сравнительных исследований современных политических трансформаций. «Конец парадигмы транзита» не тождественен „концу транзитологии“» [11. С. 67]. Вообще, «тот факт, что некоторым странам не удалось перейти к демократии, отнюдь не свидетельствует о неадекватности парадигмы транзита/консолидации. Скорее, он указывает на потребность в более четком определении демократии и уточнении ее параметров» [9. С. 9].

Это замечание очень важно, учитывая, что понятие демократии — одно из наиболее неопределенных и существенно оспариваемых в политической науке и практике. Демократия превратилась в своего рода «концептную натяжку», когда «приобретения с точки зрения зоны охвата, как правило, оборачиваются потерями в плане содержательной точности» [15. С. 69]. Попытки уберечься от концептных натяжек вызвали целую лавину различных «демократий с прилагательными». Гораздо проще оказалось придумывание новых наименований для каждого случая «отклонения» политической системы от предполагаемого эталона демократии — своего рода «понятийный джерримендеринг» (в литературе насчитывается до 550 типов и подтипов демократии (См.: [25])) — нежели работа по четкой концептуализации. Поэтому на повестку дня выходит необходимость в конструировании идеального типа демократии (в веберовском смысле), некоего конвенционального компаративистского критерия, свободного от политизации, который позволил бы усилить научную составляющую транзитологических исследований. Именно поэтому идеальный тип демократии должен быть выработан в диалоге и сотрудничестве ученых из разных точек земного шара и основан на кросскультурном консенсусе.

Таким образом, утверждения о кризисе современной транзитологии не означают краха этого исследовательского направления в целом, но сигнализируют о необходимости поиска новых гипотез и объяснительных моделей. Видится важным, во-первых, совершенствование категориального аппарата транзитологии с учетом особенностей текущих политических изменений, которые не столь однозначны, как это казалось в самом начале 1990-х гг.; и, во-вторых, активно вводить элементы не только количественного анализа (хотя транзитологии все еще не достает серьезной формализации моделей переходных процессов), но и качественных исследований.

Кроме того, сегодняшняя транзитология должна уделять больше внимания не только изучению собственно демократических трансформаций, но и тщательному анализу недемократических альтернатив — онтологическому и процессуальному. Необходима четкая концептуализация наиболее типических сценариев «срыва транзита», факторов (структурных и процедурных), влияющих на него и политический режим, получающийся «на выходе».

Перспективное направление представляет исследование консолидации демократии как одной из возможных траекторий политических изменений, следование которой предположительно определяется различными контекстуальными (структурными) и процедурными условиями. В связи с этим целесообразно поставить ряд задач, решению которых должно быть уделено первостепенное значение.

Во-первых, представляется необходимым достичь максимальной точности в определении условного момента завершения этапа демократизации и старта консолидации демократии. Возможно, для этого потребуются обширные кросс-национальные исследования и сравнение эмпирических данных. Кроме того, совершенно необходимо повысить степень операционализации и квантификации процесса консолидации. Во-вторых, важной видится работа по выявлению и систематизации факторов демократической консолидации. Это факторы внешнего влияния, выбора системы правления и электорального механизма, экономического развития, характера, констелляций и стратегий элит — движущих сил перехода. В качестве дополнительных можно предположить такие факторы, как партийная система, группы интересов, угроза военных действий, историческая память. В-третьих, следует, на наш взгляд, расширить спектр альтернатив демократической консолидации, попытаться систематизировать общие и специфические характеристики этих режимов. В-четвертых, с помощью программ компьютерного моделирования целесообразно выстроить статическую и динамическую модели демократической консолидации, используя в качестве переменных основные детерминанты этого процесса.

Эти возможные направления исследований в рамках транзитологической парадигмы и могут составить новый, четвертый этап развития теории переходов. Главное, чтобы транзитология не расценивалась в качестве некоей метатеории или «великого нарратива», обязанного объяснить и спрогнозировать любые режимные изменения. Не всеобъемлющая универсалистская интерпретация, а выявление наиболее устойчивых, часто повторяющихся моделей социальной трансформации в определенных культурно-цивилизационных условиях — вот задача теории транзита. Простой отказ от транзитологии приведет лишь к обеднению существующей компаративистской методологии. Поэтому если транзитологам удастся, помимо обновления эпистемологического арсенала, уйти от излишней идеологизированности, их науку должен ожидать скорый ренессанс.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) К. Калхун так охарактеризовал кризис теории модернизации: «Эти теории дают вам некий ключ, который открывает, казалось бы, все двери. В действительности, открывая некоторые двери, они [теоретики модернизации — автор] даже не замечают существование других» (См.: [6]).

- (2) См., напр.: *Elites and Democratic Consolidation in Southern Europe and Latin America* / ed. by John Higley and Richard Gunter. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992; *Democratic Transition and Consolidation in Southern Europe, Latin America, and Southeast Asia* / ed. by Diane Ethier. — London: MacMillan, 1990; *Issues in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective* / ed. by Scott Mainwaring, Guillermo O'Donnell, and J. Samuel Valenzuela. — Notre Dame: University of Notre Dame, 1992.
- (3) Это не означает смены парадигмы модернизма постмодернизмом (См.: [8]) с его ускользающей методологией и «риском опасной нечеткости» [13. С. 160].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Грей Д.* Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Пер. с англ. Л.Е. Переяславцевой, Е. Рудницкой, М.С. Фетисова и др.; под общ. ред. Г.В. Каменской. — М.: Праксис, 2003.
- [2] *Даймонд Л.* Прошла ли «третья волна» демократизации? // *Полис*. — 1999. — № 1.
- [3] *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. — М.: РОССПЭН, 2002.
- [4] *Дежарев А.А.* Основы политической теории: Учебное пособие. — М.: Высшая школа, 1998.
- [5] *Инглегарт Р.* Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под. ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999.
- [6] *Калхун К.* Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал // <http://www.inop.ru/files/calhoun.doc>
- [7] *Капустин Б.Г.* Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // *Полис*. — 2001. — № 4.
- [8] *Капустин Б.Г.* Посткоммунизм как постсовременность. Российский вариант // *Полис*. — 2001. — № 5.
- [9] *Карл Т.Л., Шмиттер Ф.* Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // *Полис*. — 2004. — № 4. — С. 6—27.
- [10] *Липсет С.М., Сен К-Р., Торрес Д.Ч.* Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // *Международный журнал социальных наук. Сравнительная политология*. — 1993. — № 3.
- [11] *Макфол М.* Пути трансформации посткоммунизма // *Pro et Contra*. — сентябрь-октябрь 2005. — С. 92—107.
- [12] *Мельвиль А.Ю.* О траекториях посткоммунистических трансформаций // *Полис*. — 2004. — № 2. — С. 64—75.
- [13] *Мюллер К.* От посткоммунизма к постмодерну? К объяснению социальных изменений в Восточной Европе // *Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2 т. Т. 1: Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы* / Ред.-сост. П. Штыков, С. Шваниц; Научн. ред. В. Гельман; Пер. с нем. Е. Белокурова, М. Ноженко, Н. Яргомская, П. Штыков. — СПб.; М.; Берлин: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад: Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 2003. — С. 130—172.
- [14] Новые демократии и/или новые автократии? Материалы круглого стола // *Полис*. — № 1. — 2004. — С. 169—177.
- [15] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

- [16] *Пишворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / Пер с англ.; Под. ред. проф. В.А. Бажанова. — М.: РОССПЭН, 2000.
- [17] *Ротштайн Б.* Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под. ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна / Научн. ред. русского издания Е.Б. Шестопаля. — М.: Вече, 1999.
- [18] *Сартори Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии. Часть I // Полис. — 2003. — № 3.
- [19] *Сен А.* Развитие как свобода / Пер. с англ. под ред. и с послеслов. Р.М. Нуреева — М.: Новое Издательство, 2004.
- [20] *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. — М.: Ермак; АСТ, 2005.
- [21] *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2003.
- [22] *Bunce V.* Comparing East and South // *Journal of Democracy*. — Fall 1994. — Vol. 6. — № 3.
- [23] *Carothers T.* The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*. — 2002. — Vol. 13. — № 1.
- [24] *Casper G.* The Benefits of Difficult Transitions // *Democratization*. — Autumn 2000. — Vol. 7. — № 3.
- [25] *Collier D., Levitsky S.* Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // *World Politics*. — April 1997. — Vol. 49. — № 3.
- [26] Debating the Transitional Paradigm (Guillermo O'Donnell, Ghia Nodia, Kennet Wollack, Gerald Hyman, Thomas Carothers) // *Journal of Democracy*. — Vol. 13. — No. 3, July 2002.
- [27] *Diamond L.J.* *Developing Democracy: Toward Consolidation*. — Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1999.
- [28] *Eisenstadt T.* Eddies in the Third Wave: Protracted Transitions and Theories of Democratization // *Democratization*. — Autumn 2000. — Vol. 7. — № 3.
- [29] *Huntington S.P.* *Political Order in Changing Societies*. — New Haven: Yale University Press, 1968.
- [30] *Linz J.J., Stepan A.* *Problems of Democratic Transitions and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. — Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1996.
- [31] *McFall M.* The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship. Noncooperative Transitions in Postcommunist World // *World Politics*. — January 2002.
- [32] *Mesquita B.B de, Downs G.W.* Development and Democracy // *Foreign Affairs*. — September/October 2005. — Vol. 84. — № 5.
- [33] *Moore, B., Jr.* *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. — Boston: Beacon, 1966.
- [34] *Nodia G.* The Democratic Path // *Journal of Democracy*. — July 2002. — Vol. 13.
- [35] *O'Donnell G., Schmitter P.C.* *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies* — Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1986.
- [36] *Ottaway M.* *Democracy Challenged: The Rise of Semi-Authoritarianism*. — Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2003.
- [37] *Pridham G.* *Dynamics of Democratization*. — London and New York: Continuum, 2000.
- [38] *Rustow D.* Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // *Comparative Politics*. — (April) 1970. — № 2.
- [39] *Schmitter P.C., Karl T.L.* The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East Should They Attempt to Go? // *Slavic Review*. — Spring 1994. — Vol. 53. — № 1.
- [40] *Transitions from Authoritarian Rule* / ed. by. Guillermo O'Donnell, Philippe Schmitter and Laurence Whitehead. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

THREE PHASES OF TRANSITOLOGY EVOLUTION: IS THE FORTH ONE COMING?

I.R. Khintba

The department of political science
Russian People's Friendship University
Miklucho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article features the periodization of transitology, identifying three phases of methodology and interpretation schemes evolution and displaying its inner dynamics. The author outlines the ways to cope with problems transitology faces and sketches the next phase of its development — the fourth one.